О. Б. Степанова

О ГОЛОДЕ У СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

В статье исследуется голод — одно из частых явлений прошлого северных селькупов: рассматривается периодичность голодовок, определяются группы селькупского общества, наиболее подверженные регулярному недоеданию, вскрываются причины голода. В результате исследования автор приходит к следующим выводам. Голод селькупы переживали ежегодно, в зимне-весенний период, когда доедались все запасы, сделанные на зиму. Летом и осенью пища запасалась селькупам в недостаточном количестве. Причина этого кроется в селькупском национальном характере, которому не были присущи такие качества, как запасливость и расчетливость. Большого числа заготовок селькупы не делали также из-за кочевого образа жизни. Заканчивался сезонный голод с прилетом весенних перелетных птиц. После коллективной охоты на них устраивался праздник и всеобщее пиршество, на котором селькупы первый раз в году наедались досыта. Вслед за утками возвращалась рыба — основная летне-осенняя пища селькупов. В голодный зимне-весенний период селькупы жили охотой, но полноценная охота была невозможна для безоленных селькупов, так как она требовала выезда в места, где водилась пушная зверь, или проходили миграции дикого оленя. Охотничья добыча часто не оправдывала надежды селькупов, поскольку зависела от капризов природы — миграций объектов промысла, сильных морозов, «урожайности» текущего года на зверя и т. д. Кроме кочевого образа жизни, особенностей национального характера и неудачной охоты у селькупского голода была еще одна социально-экономическая причина. Русские чиновники, представители православной церкви, купцы и торговцы, а также собственная родовая знать эксплуатировали, спаивали и при торговых сделках обманывали селькупов. Учрежденные государством хлебозапасные магазины, призванные не допустить голода у населения Туруханского края, лишь усугубили положение селькупов, сделав их вечными должниками казне. Голоду была подвержена подавляющая — бедняцкая — часть селькупского общества. Селькупы не боролись с голодом, а смиренно переживали его, для чего у них имелось несколько пассивных методов, к которым относились «ожидание весны», особая голодная «диета», родственная и неродственная взаимопомощь. Голод в том виде, в каком он переживался селькупам, может считаться одной из селькупских традиционных хозяйственных практик.

Ключевые слова: северные селькупы, голод, причины голода, национальный характер, социальные отношения, хозяйственные практики.

Было замечено, что этноконсолидация народа начинается тогда, когда над народом нависает угроза исчезновения — происходит утрата национальной культуры и языка. Северные селькупы, многие из которых до сегодняшнего дня сохраняют традиционный хозяйственный уклад и говорят на родном языке, об утрате своей этничности не беспокоятся и эту угрозу стараются не замечать — живут, как и раньше, заботами о «хлебе насущном». Лидеров, способных объединить народ идеей самосохранения, они не имеют, на призывы и действия власти, предпринимающей организационные шаги в этом направлении, реагируют слабо (Степанова, 2018b). Тем не менее, культура северных селькупов быстро меняется, старые традиции забываются, и процессы этноконсолидации — пока подспудно и плохо осознаваемо — у них все же протекают, по крайней мере, противопоставительно-объясняющую фразу-маркер «Мы селькупы» в разговорах они употребляют часто. Думается, скоро придет момент, когда селькупы сознательно и активно встанут на путь этнического объединения, сохранения и переосмысления своего культурного наследия. Процесс формирования новой этничности селькупов стартовал, что повысило важность и востребованность исследований по селькупской истории и культуре и сделало их актуальными не только для науки.

Тема данной статьи — голод у северных селькупов — имеет временные рамки XIX — начала XX вв., поскольку к этому периоду относится большая часть источников, на основе

которых она разрабатывалась. Исследование преследует цель сохранения исторической памяти и изучения голода как элемента селькупской культуры. В понятие голода здесь вкладывается смысл эпизодического или систематического длительного недоедания разных групп или слоев населения. Голод рассматривается в качестве элемента селькупской традиционной культуры, поскольку состояние нехватки продовольствия случалось у селькупов регулярно, и стало частью традиционного хозяйственного уклада. Селькупы выработали определенные методы не борьбы с голодом, но существования в этом состоянии, и можно сказать, что эти методы превратились в одну из селькупских хозяйственных практик. В задачи исследования входит описание состояния голода, подтверждение факта его повторяемости, выявление групп и социальных слоев селькупов, наиболее подверженных ему, а также вскрытие причин селькупского недоедания.

Изучение голода у селькупов опиралось на труды старых авторов — Маслова (1833), П. И. Третьякова (1871), П. Е. Островских (1931), К. Доннера (2008), В. Н. Скалона (1929, 1930), Г. Н. Прокофьева (1930), а также современных — А. В. Головнева (1995), С. И. Ирикова (2002), в которых были найдены основные сведения по данной теме. К исследованию автором привлекались собственные разработки по различным вопросам селькупской этнографии (Степанова, 2018а, 2018б). Основными методами, использованными в исследовании, были: описание, анализ и ретроспективно-исторический метод.

Самые ранние сообщения о голоде у аборигенного населения Туруханского края обнаруживаются у П. И. Третьякова, он сообщает, что в 1805 г. смерть 31 чел. из тунгусов, бродивших по р. Хетте, была отнесена к голоду; в 1806 г. повторилась новая голодовка, а в 1807 и 1808 годах «полагают умершими голодной смертью» 32 чел.; в 1810 и 1811 годах в Илимпейском тунгусском роде умерло с голоду до 40 человек. Сведения эти не о селькупах, а о тунгусах (эвенках), но положение живших рядом с ними селькупов ничем не отличалось от положения тунгусов. Тем более что рядом с этой статистикой П. И. Третьяков приводит описание и селькупской нищеты: «За неимением теплой одежды большая часть остяков, во время зимы, остается неподвижно на одном месте, помещаясь в сырых, вонючих ямах, среди поразительной нищеты. Нам однажды пришлось встретить трех остяцких вдов и при них шесть малолетних детей, которые, будучи нагими, со вздутыми животами и коростами, образовавшимися на груди от постоянного пребывания близ огня, глодали ивовую кору. Одна из женщин лежала больная на одре, а остальные, изнеможенные, походили скорее на привидения» (Третьяков, 1871: 229).

Похожие описания селькупской нищеты, сопровождаемой голодом, оставили также другие исследователи, наблюдавшие быт селькупов в XIX — начале XX вв.

П. Е. Островских, указывая на бедственное существование селькупов, приводит в пример положение своего знакомого Алексея Тетерина. «Алексею Тетерину было 30 лет; семья его состояла из жены, троих сыновей — 10 лет, 6 и 4 л. и девчонки — 3 л. Живет он в яме в окрестностях Туруханска: разгреб снег и обставил стенки елками. У него одна собачонка, помогающая тянуть санку со скарбом. Скарб его составляют: один котел, два топоришка, две чашки, две парки (шуба из оленьей шкуры), одна оленья постеля и небольшая санка. В лесу оставлены одно ружьишко, одна ветка (легкая долбленная лодочка) и несколько берестяных тисок (брезенты из вареной бересты в 4 метра длины и в 1,5 ширины). Вот и все его имущество» (Островских, 1931: 170). За Алексеем Тетериным числилось 160 кг хлебной недоимки в хлебозапасном магазине г. Туруханска, за что в дальнейшем получении хлеба ему было отказано, дети его голодали. «Тогда мы чем будем жить? Сам голодом, вчера у тебя лишь чай пил, после ничего не ел и ребята там в лесу голодом. В лесу пусто — белки-то нет, никакого зверя нет. Рыба с осени была, а теперь нет» (Там же: 168).

К. Доннер пишет о тазовских селькупах: «Большинство из них очень бедные» (Доннер, 2008: 91). «В то время, когда я прибыл на Таз, нужда здесь достигла предела» (Там же: 94). «В чуме хозяйничали голод и нужда. Дети жевали кусочки кожи, а взрослые сидели молча,

ничего не предпринимая. Казалось, они смирились со своей участью, как настоящие азиатские фаталисты. Мы оставили им все, что у нас было» (Там же: 98). Во время путешествия по Тазу К. Доннер побывал в нескольких таких чумах.

Записи В. Н. Скалона относятся к первым годам советской власти, когда селькупы стояли еще только на пороге новых преобразований (Степанова, 2018а), поэтому они содержат аналогичные описания: «Самым северным пунктом нашего пути был чум оседлого поневоле остяка-самоеда... Не имея оленей даже на одежду, он построил свой чум из деревянных плах, покрыл берестой и завалил снегом. Нас встретила целая толпа народа. Мы не могли понять, откуда они могли взяться. Ведь перед нами был только один крохотный чум, напоминающий сугроб снега. Входим. Кругом у стен взрослые, впереди молодежь, ближе к очагу — дети, а у очага и дверей — собаки. Утвари буквально никакой. Какие-то отрепья. Оружие — жалкие обломки допотопных «фузей». Одежда — лохмотья, купленные готовыми русские пиджаки и полушубки. Постели — сухая трава. <...> У бедняков — ни муки, ни хлеба. Еда одна — только порса. Чай — брусничные листья. Даже табаку не было ни крошки. А ведь они бьют и белок, и песцов, так где же этот заработок? Тяжелая картина. Невольно становится стыдно за свои теплые кумыш и малицу, за наполненный каждый день желудок» (Скалон, 1929: 62). Или: «Прошлую зиму Наум голодал. Он хороший промышленник, но ревматизм приковал его к грязной постели дырявого чума» (Там же: 59).

Приведенные данные указывают, что селькупам был хорошо знаком голод. Авторы цитат наблюдали за бытом селькупов в разных точках указанного отрезка времени, следовательно, нищета селькупов, большей их части, в рассматриваемый период была перманентной. Все посещения селькупов исследователями происходили зимой. Можно предположить, что голодание было связано с зимним сезоном. Эта мысль находит подтверждение в записях тех же авторов: все они удивляются количеству съедаемой селькупам летом рыбы. П. В. Третьяков делится наблюдением о том, что «в продолжение лета и осени жители, имея избыток в съестных припасах, едят чрезвычайно много, в особенности остяки, которые через это даже полнеют. Как бы ни был сыт остяк, но он не упустит случая полакомиться рыбьим жиром» (Третьяков, 1871: 228). К. Доннер, говоря о селькупском рыболовстве, отмечает, что часть добытой рыбы засушивается, часть засаливается на продажу, остальное поедается в невероятных количествах, «так что голые животы маленьких детей, кажется, вот-вот лопнут» (Доннер, 2008: 29). Исследователь пишет: «Во время нашего путешествия я понял, как ужасно много рыбы, птицы и супа могут съесть самоеды, если позволяют запасы». В объяснение этому он приводит аргумент, что селькупы за лето должны компенсировать скудное зимнее питание (Там же: 38).

Зимний голодный сезон начинался у селькупов с января-февраля, когда доедали последнюю рыбу, вычерпанную из заповор, и заканчивался в мае, с прилетом весенних перелетных птиц — гусей и уток. К их прилету был приурочен праздник, который сейчас так и называется — Праздник встречи перелетных птиц. Раньше этому празднику предшествовала коллективная охота на птиц, в ней принимали участие все селькупы — от детей до стариков. Добытых уток приносили к жилищам и развешивали на деревьях. Собранную за два-три дня добычу варили в стоящем посреди стойбища (селения) большом медном котле (Головнев, 2005: 244). Устраивалось всеобщее пиршество, пищи готовили столько, чтобы все могли наесться досыта, и остался излишек (Прокофьев, 1930: 24).

Таким образом, селькупы голодали ежегодно и сезонно — зимой и весной — до прилета гусей и уток, следом за которыми в изобилии появлялась рыба и т. д. Но возникает несколько закономерных вопросов. Первый из них: почему селькупы не могли летом сделать себе достаточное количество запасов на зиму?

П. И. Третьяков считает, что причина этого кроется в особенностях национального характера, что селькупы не запасают на зиму рыбу, потому что «привыкли тунеядничать» (Третьяков, 1871: 229). Похожую версию селькупского голода высказывает К. Доннер: «От-

личительная черта самоедов — страшная лень» (Доннер, 2008: 26). «Я в то же время не мог удержаться, чтобы не отругать этих людей, ведь всем известно, что они каждое лето могут вдоволь запастись рыбой. Но, как и многие другие, летом они предпочитали сытно есть и не думать о завтрашнем дне. Люди надеются, что смогут добыть рыбу и дичь для пропитания в любое время года, и если их надежды не оправдываются, то приходится голодать» (Там же: 98). И еще его же цитата: «Ведь тогда им придется думать о завтрашнем дне, и уже будет невозможно перебираться с места на место, как только взбредет в голову. Свобода самоедам дороже. Они даже испытывают некоторое пренебрежение к тем, кто устраивает быт и пытается таким образом облегчить себе жизнь» (Там же: 27). Еще одной чертой национального селькупского характера, не позволяющей народу рационально питаться, ведущей к культурной и физической деградации и апатии, П. И. Третьяков, К. Доннер и В. Н. Скалон называют непреодолимую тягу селькупов к алкоголю («всякий остяк выпьет всегда ровно столько, сколько умудрится достать» (Скалон, 1929: 61)). С. И. Ириков подтверждает, что заготовка запасов на длительный период не была свойственна селькупам, но объясняет эту особенность их хозяйственной деятельности не национальным характером, а кочевым образом жизни (Ириков, 2002: 80).

В. Н. Скалон относит к селькупскому этническому характеру также такие особенности, как нерасчетливость и безграничное гостеприимство. «Вот идет по улице какой-нибудь щеголь, счастливец последнего промысла. На нем нет засаленной малицы. Он надел ватный пиджак и сапоги на высоких каблуках. Из-за расстегнутой одежды видны остальные обновы: красный поясик и пята, а то и более, новых рубаш. Да, он надел их одну на другую и ворота отстегнул. Вот синяя, красная, черная, лиловая... Ай, Гришка, ладно промышлял! А на следующий год он приедет в той же рваной малице. Нет сапог, нет пиджака, вместо рубаш — какие-то неопределенного цвета лохмотья. Во всем своем наряде он пойдет и на промысел, и на рыбную ловлю. Развалятся сапоги. Не долго потерпят черную болотную воду Ваха. А рубашки он будет целый год снимать из-под низа. Но сверху — нет, когда истлеют они от жаркого пота измученного за день рыбака-зверолова. Не знает остяк меры, ему не знаком расчет. И тароват, и гостеприимен бесконечно. Счастливец, удачник этого года, закупает без счета конфеты и пряники, сушку, масло и крупчатку. Приедет домой, сложит в юрте. И всякий прохожий, случайный гость будет есть до отвала, макая пряники в масло, заедая конфеты рыбьим жиром. В недели съестся то, чего хватило бы на год, сядет вся семья на щучью порсу (муку из сушеной рыбы), и пойдет опять полуголодный хозяин на тяжелый промысел, мерзнуть и мокнуть до новой удачи» (Скалон, 1929: 57).

Второй вопрос, который вытекает из вывода о систематическом зимнем голодании — почему селькупы не могли добыть себе пропитание зимой, ведь зима была сезоном охоты. Ответов на этот вопрос и равно причин невозможности для селькупов жить зимой за счет охотничьей добычи будет несколько. Сами селькупы, согласно сведениям из источников, объясняя свой голод, чаще всего ссылаются на «непромышленную» или «неурожайную» на зверя зиму. Действительно, по природе своей зверь мог мигрировать из привычных мест обитания, что в обозримом прошлом неоднократно происходило с соболем, диким оленем, или зима могла быть такой холодной, что объекты промысла прятались, и лес пустел, такое поведение характерно для белки, глухаря и т. д. В конце концов, охоте должна была сопутствовать охотничья удача, если ее не было, семью охотника опять же ждал голод. Причем голод был неминуем в случае как неудачной мясной охоты (на дикого оленя, лося, белку, куropаток, боровую дичь), так и безрезультативного пушного промысла (на соболя, белку, горностая, лисицу, росомуху и т. д.), который не давал мяса, но давал эквивалент для обмена на другой продукт — муку/хлеб из хлебозапасных магазинов.

Охота была недоступной роскошью для безоленных и малооленных селькупских семейств. Селькупы всегда держали небольшое количество домашних оленей, в среднем 7–12 голов, олень использовался главным образом как транспортное средство, в качестве пищи

его мясо старались не употреблять. Заставить остяков забить домашнего оленя, как пишет П. И. Третьяков, было «крайностью», т. е. такое действие совершалось крайне редко (Третьяков, 1871: 226). При отсутствии оленей селькупы не могли выехать в места, где водился соболь или проходили пути миграции дикого северного оленя. К природным факторам, препятствующим охоте и ведущим к голоду и нищете, следует отнести также эпизоотии среди домашних оленей, в частности чуму, которая в год приезда на Таз К. Доннера погубила уже десятки тысяч животных. Нередко неучастие селькупской семьи в охоте объяснялось болезнью или отсутствием в ней охотника.

Голодание у селькупов случалось не только по сезону и не всегда лишь из-за охотничьих неудач. Нищенскому, голодному состоянию селькупов способствовала их нещадная эксплуатация и обман нечистыми на руку русскими (чиновниками, служителями православной церкви, купцами, торговцами и простыми жителями края), а также своей селькупской знатью.

По сведениям П. Е. Островских, туруханские селькупы, нанимаясь к русским косить, рыбачить, возить почту и заготавливать дрова, работали по 12–15 часов, за мизерную плату и за содержание или за одно содержание (Островских, 1931: 162). Как туруханским, так и тазовским селькупам (подводчикам по наряду) вменялось в обязанность ежегодно тянуть бичевой лодку с хлебом для Яновского хлебозапасного магазина — вверх по р. Турухану, а также для магазина на Тазу — вверх по Турухану и далее перетаскивая лодку волоком на притоки р. Таз; платили за эту работу несоразмерно мало (Там же: 167–168).

Енисейские купцы «каждый раз старались обмануть народ», известны случаи, когда водка продавалась аборигенам по двадцать рублей за бутылку, в купленном ими мешке муки на дне оказывались камни, а вместо свинца подсовывалось олово. «Один, пользующийся дурной славой купец устраивал самые настоящие грабительские набеги, он отбирал у аборигенов силой все, что хотел, а оплату производил по своему усмотрению. Со своими должниками он обращался очень жестоко, даже выкалывал им глаза» (Доннер, 2008: 81; Островских, 1931: 172). Невзирая на действующий в Туруханском крае сухой закон, купцы до смерти спаивали «туземцев» (Доннер, 2008: 79).

В класс селькупских угнетателей входили также миссионеры. К. Доннер пишет: «Однажды миссионер решил совершить поездку по Тазу, он отдал распоряжение кочевникам, и те должны были больше месяца, отложив все свои дела, сидеть в пустынной тундре в условленном месте и ждать его. Это было самое холодное время года, запасы продовольствия заканчивались. А миссионер тем временем обнаружил другие, более выгодные, охотничьи угодья и безо всякого предупреждения, отправился туда» (Там же: 80–81).

Обман селькупов происходил и при сборе ясака: «У самоедов ежегодно забиралось огромное количество пушнины. Им говорили, что мех нужен для того, чтобы сшить шубу белому царю. Пристав объяснял самоедам, что царь такой же большой или даже больше, чем церковь в Туруханске, поэтому меха на шубу нужно так много» (Там же: 80).

По данным П. Е. Островских, с назначением в Туруханск в конце 1899 г. специального податного инспектора, в обязанности которого входило обследование экономического положения, а также защита «туземцев» от неправильных обложений и эксплуатации, многие из имевших место фактов, стали проясняться. Инспектором было произведено много расследований о ввозе спирта и водки в кочевья аборигенов, об отобрании у них за долги рыболовных сетей, оленей, об избиении аборигенов, о пользовании подводами бесплатно и для целей незаконной торговли, об обременении аборигенов подвозкой леса на церкви и часовни. Такая деятельность инспектора не понравилась местной власти: «Конечно, местная администрация тотчас же направила жалобы енисейскому губернатору о присвоении инспектором функций следователя и судьи, а духовенство — своему архиерею о противодействии инспектора постройке церквей и о гонении на православие» (Островских, 1931: 173).

Для недопущения голода правительством Туруханского края была создана сеть хлебозапасных магазинов — казенных (общественных) складов хлеба, предназначенных для ссуды или продажи его по дешевой цене населению. В 1806 г. край имел два таких магазина — в Туруханске и с. Инбацком на Енисее. К 1823 г. их количество было увеличено до 35. П. И. Третьяков пишет, что, несмотря на благую идею хлебозапасных магазинов, местное начальство, открывая их, действовало также в своих интересах, так как пушнину, которую инородцы обменивали на хлеб, оно продавало здесь же, на месте (Третьяков, 1871: 231). Кроме того, инородцы брали хлеб в долг нерасчетливо, а вахтеры магазинов, не имея четких правил отпуска хлеба, делали послабления, выдавая хлеб в долг на тех инородцев, которых в действительности не было, или злоупотребляли, приписывая лишний хлеб на должников (Там же: 232).

Отпуск в магазинах хлеба в долг привел к образованию у населения огромной недоимки. По данным П. И. Третьякова, в 1830 г. совокупный долг жителей края составлял 2700 пудов. «Редкий инородец не имел на себе значительного долга, доходящего иногда до 600 руб.» (Там же: 229). В 1834 г. власти края «нашли необходимым» из 34 магазинов закрыть 10.

По мнению Маслова хлебный долг населения был связан с нечестным поведением купечества: «Причиной хлебной недоимки в казне было угнетенное положение дикарей со стороны купечества, которое прежде, насчитывая на них большие суммы при меновой торговле, закабаляло их до того, что, превращало их в своих данников» (Маслов, 1833: 512).

Много позже, на рубеже XIX — XX вв. П. Е. Островских фиксировал в Туруханском крае те же самые «хлебные» долги инородцев казне — за байшинскими остяками числилось, по его сведениям, до 4 тонн хлебной недоимки. Туруханский отдельный пристав, ведавший казенными хлебными запасами, «уже много раз растолковывал остякам, что за ними недоимка состоит уже 2 года, что князь (родовой инородческий старшина) ее не собирает, что он не может по закону недоимочному обществу еще давать ссуду», и поручительство старосты ему не нужно (Островских, 1931: 170).

Анализируя работу хлебозапасных магазинов, П. И. Третьяков пишет, что отпуск казенного хлеба в долг содействовал росту в инородцах изворотливости, тяги к «тунеядству» и нежелания «укреплять свое домохозяйство» (Третьяков, 1871). Автору же главное значение хлебозапасных магазинов видится в том, что казенный хлеб выступает средством, способствующим росту обнищания и угнетенности аборигенов, в частности, селькупов: чем больше была их зависимость от русского хлеба, тем беднее было их существование. Эта мысль подтверждается К. Доннером, который отмечал, что экономическое положение тазовских селькупов, живших более изолированно, вдалеке от русских, было значительно лучше, чем положение тех селькупов, которые много контактировали с русскими. У тазовских селькупов, по материалам К. Доннера, хлеб был большой редкостью, они привыкли обходиться без него (Доннер, 2008: 95).

Селькупам верхних течений Таза и Тольки, а также системы Чертовых озер хлебозапасные магазины были недоступны, они выезжали на ярмарку в с. Ларьяк на р. Вах, где ларьякские купцы, подобно енисейским, спаивали и обманывали их, занижая цену за ссылаемую ими пушнину и завышая стоимость своих товаров (Там же: 106; Скалон, 1929). В. Н. Скалон провел анализ классового состава селькупского общества, снабжавшегося из Ларьяка, и выделил в нем прослойку эксплуататоров бедняцкой части населения — кулаков и «магнатов». Последние приезжали на ярмарку с пушниной и караванами порожних нарт, и приобретали товары с большим избытком, чтобы затем, вернувшись в свою глушь, продать их соплеменникам по другим, более высоким ценам (в пушном эквиваленте). Большей части селькупской бедноты ярмарка была недоступна из-за отсутствия у них оленей, на которых можно было туда доехать, в то же время олени были основным капиталом кулаков. «Прикрываясь родовыми традициями взаимопомощи» и укоренившимся недоверием к русским,

кулаки угнетали своих «родственников» — давали им в долг оленей и «деньги» (пушнину), чтобы получить возврат с процентами или в виде отработки (Скалон, 1929: 59).

Таковы были социально-экономические причины селькупской нищеты и сопутствующего ей голода.

С голодом селькупы не боролись — ни предупредительно, заранее, ни решительно, когда он уже случался. Судя по рассмотренным материалам, они воспринимали голод как должное, привычное состояние и просто ждали весны, прилета уток, возвращения рыбы, с чем у них появлялась возможность наесться досыта. Ожидание весны само по себе было методом решения проблемы, но были также и другие, тоже пассивные и, надо подчеркнуть, традиционные способы. К. Доннер пишет: «К счастью, на Тазе народ очень отзывчив и готов поделиться всем, чем можно. В этом отношении здесь лучше, чем в цивилизованных странах, где редко встречаются такого рода коммунистические тенденции» (Доннер, 2008: 98). Когда исследователь путешествовал по Тазу, он и его спутники неоднократно становились участниками подобных отношений: получали бескорыстную продовольственную помощь от встречных аборигенов, совершенно им незнакомых, и помогали сами, когда позволяли обстоятельства, причем отдающая сторона часто отрывала от себя последний кусок. Подобные отношения характерны для малонаселенных мест с суровыми природными условиями. О втором селькупском способе (и не только селькупском) на какое-то время избежать голода и дотянуть до весны рассказывают П. В. Третьяков и В. Н. Скалон, это тоже метод взаимопомощи, но уже родственной. П. В. Третьяков пишет: «Если у кого-либо из упоминаемых инородцев истощатся все съестные запасы, то он является к своим сородичам и живет на их пище до тех пор, пока не наступит более удобное время для промысла. Этого мало: лишился инородец своего скота, он обращается к более состоятельному родичу и просит 2-х или 3-х оленей. Отказа не бывает. Вообще, вспомоществование друг другу в объясненных нуждах составляет отличительную черту у инородцев. Нам русским кажется странным, что между дикарями нет даже слова: “занимать”. К сожалению, и этот патриархальный обычай, по мере обеднения инородцев, начинает понемногу колебаться» (Третьяков, 1871: 228).

В. Н. Скалон называет этот обычай гостеванием: «Этот чрезвычайно распространенный обычай стоит отчасти в связи с общей родственностью, но далеко выходит из ее пределов. Каждый туземец, в какой бы чум, богатый или бедный, ни приехал, будет там есть, пить и спать, даже в течение нескольких дней, совершенно бесплатно. Ему высушат и починят обувь и одежду, помогут починить санки или сбрую, дадут табаку, во многих случаях одолжат на время оленей или санку. В случае, если чум стоит на проезжей дороге, или почему либо является местом съезда, постоянное “массовое” гостевание может лечь тяжелым бременем на хозяйство и, однако, никогда не вызывает сетований и протеста, как нечто само собой разумеющееся» (Скалон, 1929: 60).

Интересен для рассматриваемой темы также опыт К. Доннера и его спутников, оставшихся без пищи во время путешествия по заснеженным просторам Таза. Холод не позволял им добыть пропитание охотой. Когда они доели все свои запасы и крошки от них, и съели найденного в тундре погибшего дикого оленя, мясо которого протухло, они перешли на чай, заваренный из брусничных листьев. Чтобы заглушить чувство голода, они курили сначала крошки махорки, смешанной с березовой стружкой, затем вместо табака использовали измельченные сосновые шишки. По дороге они несколько раз получали небольшое количество пищи от встречных аборигенов. Оттого что К. Доннер описывает лишь свои переживания ситуации, можно предположить, что его спутники относились к состоянию голода безэмоционально. Опыт, описанный К. Доннером, следует отнести к способам выживания селькупов в условиях голода. В совокупности все названные методы — ожидание весны, особая голодная «диета», родственная поддержка и взаимопомощь между чужими людьми, находящимися в малонаселенной северной местности с суровой природой — можно считать тради-

ционной хозяйственной практикой селькупов, направленной на существование и выживание в состоянии голода.

Итак, в результате исследования были сделаны следующие выводы. Голод селькупы переживали регулярно в зимне-весенний сезон года, когда доедались все запасы, сделанные на зиму. Поскольку голод допускался, пища запасалась селькупам явно в недостаточном количестве. Запасливость и расчетливость не являлись характеристикой селькупского национального характера. Большого числа зимних заготовок селькупы не делали также из-за кочевого образа жизни. Заканчивался сезонный голод с прилетом весенних перелетных птиц — гусей и уток. На них коллективно охотились, после чего устраивался праздник и всеобщее пиршество, на котором селькупы первый раз в году наедались досыта. Вслед за утками возвращалась рыба — основная летне-осенняя пища селькупов. В голодный зимне-весенний период селькупы жили охотой, но полноценная охота была невозможна для безоленных селькупов, так как требовала выезда в места, где водился пушной зверь, или проходили миграции дикого оленя. Охотничья удача часто не оправдывала надежды селькупов, поскольку зависела от разных природных факторов — миграций объектов промысла, сильных морозов, «урожайности» года на зверя и т. д. Были семьи, в которых просто не было охотника. Кроме кочевого образа жизни, особенностей национального характера и неудачной охоты у селькупского голода были и другие причины. Селькупы подвергались эксплуатации, спаивались и обманывались при торговых сделках русскими чиновниками, представителями православной церкви, купцами и торговцами, а также собственной родовой знатью. Учрежденные государством хлебозапасные магазины, призванные не допустить голода у населения Туруханского края, лишь усугубили положение селькупов, сделав их вечными должниками казне. Голоду была подвержена подавляющая — бедняцкая — часть селькупского общества. Туруханские селькупы, тесно контактирующие с русскими и зависимые от русского хлеба, были беднее тазовских, живших более изолированно. Селькупы не боролись с голодом, а смиренно переживали его, для чего у них имелось несколько пассивных методов, к которым относятся «ожидание весны», особая голодная «диета», родственная и неродственная поддержка и взаимопомощь. Голод в том виде, в каком он переживался селькупам, может считаться одной из селькупских традиционных хозяйственных практик.

Список литературы:

- Головнев А. В.** Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Доннер К.** У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. 176 с.
- Ириков С. И.** Пища. Посуда. Утварь. В кн.: Хомич Л. В., Ириков С. И., Аюпова Г. Е. Тазовские селькупы. СПб.: Филиал издательства «Просвещение», 2002. С. 80–89.
- Маслов.** Бродящие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии // За-волжский муравей. Казань, 1833. № 9. С. 506–523.
- Островских П. Е.** Баишенские «остяки» (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Советский Север. 1931. № 7–8. С. 161–181.
- Прокофьев Г. Н.** Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Известия ЛГУ. Т. II. Л.: ЛГУ. 1930. С. 365–373.
- Скалон В. Н.** В Тундре Верхнего Таза (фактические данные о классовом расслоении) // Советский Север. 1930. № 3. С. 129–139.
- Скалон В. Н.** Магнаты Севера // Охотник и рыбак Сибири. 1929. № 2. С. 57–62.
- Степанова О. Б.** Красные селькупы: революционные преобразования среди населения Таза и Турухана // Уральский исторический вестник. 2018а. № 1 (58). С. 91–100.
- Степанова О. Б.** Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красно-селькупском районе ЯНАО // Вестник угроведения. 2018б. № 2. С. 365–374.
- Третьяков П. И.** Туруханский край, его природа и жители. СПб.: Тип. Безобразова. 1871. 316 с.

Степанова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Университетская наб., д. 3, г. Санкт-Петербург, 199034.

E-mail: stepanova67@mail.ru

Материал поступил в редакцию 29 июля 2020 г.

O. B. Stepanova

HUNGER AMONG THE NORTHERN SELKUPS

The article examines one of the frequent phenomena of the past of the northern Selkups — famine; the frequency of hunger strikes is examined, the groups of the Selkup society most susceptible to regular malnutrition are identified, and the causes of hunger are revealed. As a result of the research, the author comes to the following conclusions. The Selkups experienced famine annually, in the winter-spring period, then all the reserves made for the winter were consumed. In summer and autumn, the Selkups stored food in insufficient quantities. This is due to the Selkup national character, which was not characterized by such qualities as thrifty and prudent. The Selkups also did not make a large number of procurements because of the nomadic way of life. The seasonal famine ended with the arrival of spring migratory birds. After a collective hunt for them, a holiday and a general feast were arranged, at which the Selkups ate their fill for the first time in a year. After the ducks, fish returned — the main summer-autumn food of the Selkups. During the hungry winter-spring period, the Selkups lived by hunting, but full-fledged hunting was impossible for the deerless Selkups, since they required going to places where fur-bearing animals lived, or wild reindeer migrated. Hunting success often did not meet the expectations of the Selkups, since it depended on the whims of nature — migrations of fishing objects, severe frosts, the «yield» of the current year for the animal, etc. In addition to the nomadic way of life, peculiarities of national character and unsuccessful hunting, the Selkup famine had another socio-economic reason. The Selkups were exploited, drunk and deceived in commercial transactions by Russian officials, representatives of the Orthodox Church, merchants and traders, as well as their own clan nobility. Bakeries established by the state, designed to prevent hunger among the population of the Turukhansk region, only exacerbated the situation of the Selkups, making them eternal debtors to the treasury. The overwhelming part of the Selkup society was exposed to hunger. The Selkups did not fight hunger, but humbly endured it, for which they had several passive methods, which included «waiting for spring», a special hungry "diet", kindred and non-kindred mutual assistance. Hunger in the form in which it was experienced by the Selkups can be considered one of the Selkup traditional economic practices.

Key words: *northern Selkups, hunger, causes of hunger, national character, social relations, economic practices.*

References:

- Golovnev A. V.** Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov [Speaking cultures: traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: UrO RAN, 1995. 606 p. (in Russian)
- Donner K.** U samoyedov Sibiri [At the Samoyeds of Siberia]. Tomsk: Veter, 2008. 175 p. (in Russian)
- Irikov S. I.** Food. Pishcha. Posuda. Utvar' [Food. Dishes. Utensil]. In: Khomich L. V., Irikov S. I., Ayupova G. Ye. Tazovskiye sel'kupy [Khomich L. V., Irikov S. I., Ayupova G. E. Taz Selkups]. Sankt-Petersburg: Filial izdatel'stva «Prosveshcheniye», 2002. P. 80–89. (in Russian)
- Maslov.** Brodyashchiye narody Turukhanskogo kraya. Otryvok iz statisticheskikh zapisok Yeniseyskoy gubernii [Roaming peoples of Turukhansk region. An excerpt from the statistical notes of the Yenisei province] // Zavolzhskij muravej [Zavolzhsky ant]. Kazan, 1833. №. 9. P. 506–523. (in Russian)
- Ostrovskiykh P. E.** Baishenskiye ostyaki (ostyako-samoyedy) Turukhanskogo kraya v kontse XIX v. [Baishen Ostyaks (Ostyak-Samoyeds) of the Turukhansk region at the end of the XIX century] // Sovetskiy Sever [Soviet North]. 1931. № 7–8. P. 161–181. (in Russian)

Prokofiev G. N. Tseremoniya ozhivleniya bubna u ostyako-samoyedov [Ceremony of reviving a tambourine among the Ostyak-Samoyeds] // Izvestiya LGU [Izvestia LSU]. T. II. Leningrad: LGU. 1930. P. 365–373. (in Russian)

Skalon V. N. V tundre verkhnego Taza [In the tundra of the Upper Taz river] // Sovetskiy Sever [Soviet North]. 1930. № 3. P. 129–139. (in Russian)

Skalon V. N. Magnaty Severa [Magnates of the North] // Okhotnik i rybak Sibiri [Hunter and Fisherman of Siberia]. 1929. № 2. P. 57–62. (in Russian)

Stepanova O. B. Krasnyye sel'kupy: revolyutsionnyye preobrazovaniya sredi naseleniya Taza i Turukhana [Red Selkups: revolutionary changes among the population of Taz and Turukhan] // Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural Historical Bulletin]. 2018. № 1. P. 91–100. (in Russian)

Stepanova O. B. Otnosheniya gosudarstva i korennykh malochislennykh narodov Severa v nachale XXI v. v Krasnosel'kupskom rayone YANAO [Relations between the state and the indigenous peoples of the North at the beginning of the 21st century in the Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous District] // Vestnik ugrovedeniya [Bulletin of Ugric studies]. 2018. № 2. P. 365–374. (in Russian)

Tret'yakov P. I. Turukhanskiy kray, yego priroda i zhiteli [Turukhansk region, its nature and inhabitants]. Sankt-Petersburg: Tip. Bezobrazova, 1871. P. 316. (in Russian)

Stepanova Olga Borisovna, candidate of historical science, researcher.

RAS, Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkamera).

3 Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russia, 199034.

E-mail: stepanova67@mail.ru